

Вячеслав
Киктенко

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

* * *

В карту ткнул.
Нагадал.
Магадан.

...в вагонах – до чёрта.
Девчонки-бичёвки,
Шепча, матерясь, и теряясь в дыму,
Вдруг песню занюют – такую, о чём-то,
Чего и не высказать никому.

И – к дьяволу счастье!
В слезах-покаяньях
Зарыться в глухие снега с головой,
И выть, задыхаясь
в крошечных сияньях,
Ни песен, ни слов...
Только воля
И – вой...

* * *

Река Виллой,
Теки, вилай,
В лесную даль завиливай,
Мою печаль заиливай,
Мотайся по песку.

А если мне не повезет,
А если зверь не догрызет,
Оставь на бережку.
Оставь меня на бережку
Водичкой залитым,

Водичкой залитым,
Песочком золотым...

Песочком этим золотым
Залей мою тоску,
Залей мою тоску,
И – снова по песку.

* * *

Пали снега, и на улице
некуда стало деваться,
Взгляд обострился и резался на мелочах.
Восемь прохожих по улице плыли,
а я был девятый.
Но себя я не замечал.

Цифры отчётливо прыгали
с ветки на ветку.
Дом сто шестнадцать.
Проезды с обеих сторон.
Пересчитал все деревья зачем-то
и взял на заметку:
На изоляторах белых
четыренадцать чёрных ворон.

Ни помешательство не было это,
ни просто расстройство,
Но одиночеством душу
однажды зимой зазнобя,
Вдруг обретёшь
совершенно привычное свойство
Чётко фиксировать мир,
исключая себя.

Чёрная стая –
и та над родным пепелищем!
Что ж ты один,
что ж ты один в стороне?
Выйдя из жёсткой игры,
ты становишься третьим и лишним,
Даже девятым.
И получилось – втройне.

Кто арифметику эту
постигнуть не сможет,
Вывод печален, и время тебе не судья.
Если в движении цифры,
то улица их перемножит.
Улица, снег, и – прохожий из небытия...

* * *

Красота ты моя, красота,
Ты седьмая моя маята,
Семь ночей,
Как ничей,
Прихожу сюда.

Я к столу твоему взял вираж.
Шесть приборов дрожат, как мираж,
Шесть ножей,
Куражей,
Я седьмой кураж.

Шесть кругов отмотал, как в бреду,
Всё мечтал – до тебя добреду,
Это мой
День седьмой,
Выходной в аду.

Ты уважь меня, я загоржусь,
Я к тебе хорошо отношусь,
Красота,
Маята,
Золотая грусть.

Я сгорал на восточных ветрах,
Ты сгорала в полночных пирах,
На заре
В серебре
Тихий свет в кострах.

Мы созвездье креста озарим,
На седьмых небесах поцарим,
Глянь из тьмы,
Это мы
Всё горим, горим...

* * *

Волчья власть... или погибель волчья?
Промолчишь – звереешь в свой черёд,
Спросишь, а она всё молча, молча
Бусинку за бусинкой берёт.
Камушки постукивают гулко,
Ничего не скажешь, хороши!..
Ну скажи, откуда вот шкатулка?
Ну не ведьма ль баба, ты скажи,
На ночь глядя нижет бусы, нижет,
Нижет их, переполняет тьмой...
Ненавижу всех вас, ненавижу,
Нагляделся, видел у самой
Как потемки медленных ответов
Разломила тихая гроза,
Распахнула гору самоцветов –
Малахитом вспыхнули глаза,
Каменюги подлые – в полпуда!
Слава Богу, буря улеглась...

...с тяжким сердцем властвовал,
Покуда
Не окаменела эта власть.

* * *

...и дом,
И думал – на года,
И чувствовал – не рухнет.
Пришел домой,
А там беда –
Другой сидит на кухне.
А с ним жена... лицо горит,
И так туманно говорит,
И радостно, как гостю:
– Обедай с нами, дорогой...
И встал, набычился Другой,
И подавился костью:
– Здесь всё моё! –
(Глаза желты)

– И баба, и посуда!
 Ты кто такой?
 Зачем здесь ты?
 И уходи отсюда!..
 Пошёл и чувствовал –
 Не сон.
 И щёки тер невольно.
 Да нет же, никакой не сон!

И больно было, больно.

* * *

Свет полдневный в доме извела,
 Полуночные косы
 Торопясь,
 Обожгла
 О его папиросы.
 И стоял он,
 Подлец подлецом,
 Любовался немилым лицом,
 Задавал, издеваясь,
 Вопросы,
 Да играл обручальным кольцом...

ДОЖДЛИВОЙ НОЧЬЮ

Не в поисках тепла и хлеба
 Метался я, а лишь – ночлега,
 И просто был оставлен тут.
 Студенчеством здесь отдавал уют,
 Подзатянувшимся нелепо.

На полках потускневший сыр,
 Да грустных книжек разной,
 Да мисочка с капустой кислой.
 А в сенцах – нищенский сортир
 Со всхлипывающей трубой,
 Слезящейся, осклизлой.

И, тоже плачущий, худой,
 Пол в трещинах... и стол, и койка, –
 Всё, всё сквозило здесь бедой
 И достоевщиной какой-то.
 Но я был благодарен ей,
 Смиренице полуголодной,

Прозрачной от любви своей
 Запущенной и безысходной.

Чужой проникнувшись судьбой,
 Она была ничуть не лжива,
 Когда разделась и с собой
 Меня по-братски уложила, –

Здесь больше не было угла...

А дождь за окнами навзрыд
 Рыдал, рыдал, и сердце ныло.
 Она себе не солгала
 И мне, когда уют дала,
 И благодарный мой порыв,
 Смущённая, но отклонила.

Здесь не меня она ждала.
 Всплакнула молча, боль сожгла,
 И в сон сознание уронила...

Там, за пылающей чертой
 Любви её неразделённой,
 С непоправимой простотой
 Я благодарен был солёной
 Подушечке полупустой,
 Всей неустроенности той
 И той слезе неутолённой...

ОМУТ

Камень бел-горюч. Закусишь губы.
 Не гадай, сестрица, не проймёт.
 Ворон вьётся, он тебя погубит,
 Место возле омута займёт...

Не проехать мимо, не пройти.
 Сколько здесь воды и сколько скорби!
 Древний камень встал здесь на пути.
 Ворон сел.
 Седую спину сгорбил.

Это он запахивался в дым
 Площадных огней в час предраассветный,
 А по кровлям смутно-золотым
 Цокотал ночами лапкой медной!

Это он ночами колдовал,
 Чтоб, зарёй кровавой распалённый,
 Выводил на праздник коновал
 Свой топор, неправдой искривлённый!..

Этот ворон горницы шатал,
 Каркал с куполов и белых башен,
 А в покоех мраморных – шептал.
 Он учён, бессмертен и бесстрашен.

Глаз мне от него не отвести!..
 Я наймусь, сестричка, во дружины.
 Что уж там...
 Ты ран не береди...

Мы и так водою ворожимы.

ЛИХОДЕЙ

В телефоне просочился ручеёк,
 Пригласили меня, гада, на чаёк,
 На малинку, на порядочных людей...
 Я малину им изгажу, лиходей!
 Скину на пол самовар, на стол вскочу,
 Как ногами затопчу-захохочу,
 Балалайку захочу, кликну горничную,
 Заповедными частушками поёрничаю,
 Тем и славен у людей – дурачок...
 Ох, хрусталь-то хороша под каблукочок!
 ...спеленают меня, боже ты мой,
 Отвезут меня, пьянешёнька, домой,
 Я дорогой им накличу беды,
 Напророчу без бобов, без воды,
 – Как живете-то, – спрошу – мураши,
 (Застыдятся, зашуршат) без души?
 Страху лютого шутя напушу,
 А достявят – захраплю-засвищу.
 Глядь, наутречко течёт ручеёк:
 – Лиходеюшко, приди на чаёк...

ПОКАЯННАЯ

Две хозяйки, две сестры.
 Уважительны, добры,
 Девки – страсть, девки – сласть,
 Девки – дьяволова масть,

Хороши!..
 Да вот беда,
 К естеству у них, у девушек,
 Ни капельки стыда.
 Что им дело? Эка, дело
 Сахар грызть да тешить тело...
 Забредёшь к ним на вечерний огонёк,
 Всполошатся, захлопочут, подадут.
 Проведёшь один денёк, другой денёк,
 Обернулся – третьи суточки грядут!
 Я и рад бы ведать честь, да мне почёт,
 Да и больно сладко времечко течёт,
 Я и рад бы ворочаться подобру,
 Да вот совести при них не соберу...
 Думал – вот огонь,
 Вот он весь, в горсти,
 Можно жар раздуть,
 Уголька подгрести,
 А разжал ладонь –
 Побежал огонь.

А вокруг ангелочки вчерашние,
 Неумытые, мятые, страшные,
 Что красотушки их позасушены,
 Что работы свои позапущены,
 И не видеть бы рвань полупьяную,
 А завывать бы, завывать покаянную!..

Только пятна золы.
 Только капли смолы.
 Только пальцы белы...

Бабы взгляды злы.

* * *

Конский волос, попадающий в струю,
 Постепенно превращается в змею,
 А твой волос – в золотые миражи...
 Ты над речкой сонной гривы не чеши,
 Будет страшно,
 Если кто-то выйдет вдруг
 И раскинет над волною паруса,
 Изовьют его туманы белых рук,
 Заманежат безнадежные глаза...
 Эти волосы и плечи – не твои!
 Эту негу я встречал лишь у змеи,

Так вытягиваются и так царят
Только те,
Кто страшным силам раздарят
Всё своё...
Здесь не осталось твоего!
Лишь глаза твои...
Глаза страшной всего!

* * *

Как страшно стучат часы,
Какие у них голоса!..
Вот это – гудят басы,
Вот это – звенит оса.

Ходит в сутане Бас,
Будто в мундире Нос,
Важно берёт за пульс,
Щупает влажно, и вдруг
Сплюснутым коготком
По циферблату – бац!

И стрелки, сдурев,
Бегут, колятся,
Шуршат, причитают – взазброс...

И некуда мне. В упор.
Я заблужусь в тайге,
Я загляжусь во двор –
Там полыхнёт автоген,

Я закружусь по Москве,
В кольца её вопьюсь,
А как жалами стрелки
Засвищут в траве,
А как застригут – кусь-кусь?

Я закружусь, как вор.
Некуда мне. В упор.

Я солнцем, как шмель, пылюсь,
Я временем полносью, длюсь,
А убежать не могу...
Пусто на том берегу,
Грустно там, я не могу,
Страшные там леса,
Странные там голоса...

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО МУЖА

Добавил бы, да нечего...
Забуксовал в траве.
Брызнули кузнечики,
Цок-цок по голове.

Такая околесица,
Такая дрянь с утра.
А и спал-то месяца
Не боле полтора.

С мукою великой
Разодрал выюны, –
Ноги повиликой
Изопутаны.

Все в крови иголки
Ненасытных жал,
Не допили, сволочи.
Стоят, дрожат.

Плюнул, зачурался,
Отогнал беду.
Надо ж так, – нажрался!
Больше не пойду.

Не пойду ночевать в луговую повитель,
А пойду почивать на свою постель.
Там родная дверь, там своя жена,
Пусть попьет теперь мою кровь она.

* * *

Сумасшедшая, дурочка!..
Я человек, или нет?
Что же ты ссоришься?..
Да не молчи ты с дивана!
Плюнь в потолок, наконец!

Иль напейся из крана.
Иль сошвырни со стола
Хоть пригоршню сырую монет.
С улицы, да.
Да, с друзьями зашел в магазин.
Да, за здоровье и прочее...
Но не убил же старуху!

Время такое...
 Завоешь – ни слуху, ни духу.
 Глухо, как в танке.
 И так много лет, много зим.
 Надо ж не спятить.
 А ты уже это, учти,
 Тронулась, кажется, малость,
 Вот тут, в одиночке.
 Плюну, сбегу,
 Отсижусь в диогеновой бочке...
 Ссорься, пожалуйста.
 Только не молча – кричи!

ДОЛГ

К вечеру скинешь робу в солярке,
 Ополоснёшься, уложишь дочь.
 Только начнешь остывать от запарки,
 Жена воротилась... а там и ночь.
 А к ночи опять эта пытка ада,
 Голос печальный, как кухонный нож:
 – Поговорим?.. Или лучше не надо?..
 – Лучше не надо, – устало зевнешь.
 Неосторожно, неосторожно.
 Нет бы смолчать, а не то зарычать.
 – С тобой разговаривать невозможно!..
 – Можно, – приходится отвечать.
 Вывернуть душу? Или карманы?
 Как на плите раскалённой вошь,
 Корчась в тоске,
 На вопросец туманный,
 – Премию срезали, – горько вздохнёшь.

Ох, не об этом тебя, не об этом,
 Знаешь ведь, знаешь –
 У бабы чутьё.
 – Я к тебе просто шла, за советом...
 И всхлипнет жалобно... ё-моё!

– Ты перестал быть другом, мужем,
 Рядышком ходишь, думаешь, ешь,
 А я не нужна тебе... ты мне не нужен!..
 «Вот и ладненько», – подумаешь.

– Шляйся по девкам себе хоть сколько,
 Там будешь лыбиться масляно,
 Лилька ли, Валька ли,
 Галька ли, Олька...
 «Оленька», – поправишь мысленно.

Уже засыпая, подумаешь слабо:
 Чего разделась-то догола?..
 Какая была хорошая баба,
 Какая красивая баба была!

А дочку жалко... и бабу, вот ведь...
 Выходит, до смерти придется врать.
 Выходит, утром надо работать.
 Выходит, нечего выбирать.

* * *

Бальный бархат ночи,
 Изумрудный шарик,
 На стальной булавке
 Тоненький фонарик,
 Боже мой, фонарик, камень на иголке,
 У луны со звёздочкой
 Будут кривотолки.
 У плеча приколот, переливчат, ярок,
 Уголёк зелёный, наливной фонарик,
 Диадема звёздная, волосы лучистые...
 Ключут ночью позднею
 Господа речистые!
 Вот, уже кидаются
 На мормышку лунную, –
 Ресторан шатается...
 Ключули, ключули!
 Господа речистые, господа плечистые,
 А глаза у звёздочки – чистые-чистые...

* * *

Не смотри по ночам в зеркала,
 Не смотри, нехорошая сила
 В отражения наплыла,
 Криво-немо заголосила.

Всё исчадьё, вся донь, вся исподь
 В этот час по ночам хороводит,
 В час, когда засыпает Господь,
 Чёрт плечами поводит.

Так пред громом, как чёрт, завертясь,
 Полудурок державный
 Гаркнет, вороном оборотясь,
 «Будет год урожайный!...»

Ворожила жена. И луна
 Ей шептала с бесовским нахрапом:
 «Ордена тяжелее зерна...»

Ворон даром не крикнет.

АПОКАЛИПСИС ПРЕДМЕСТЬЯ

Тётки пили, пили с детства,
 Пил и папа, пила мама,
 Всё спустили...
 А в наследство
 Перепала пилорама:
 Вжик, вжик, вжик, вжик,
 Я и баба, и мужик,
 Никого не люблю,
 Кого хочешь распилю.
 Где моя
 Детвора?
 Ни кола,
 Ни двора.
 Пилорама одна,
 В ней сидит сатана:
 Пилит, пилит, пилит, пилит,
 Кружит, кружит, кружит, кружит...
 Дети были б –
 Нету мужа.
 Нету бога,
 Нету беса,
 Вот уже и нету леса,
 Вообще – ничего,
 Вообще – никого.

Я одна во хмелю
 Голый воздух пилю,
 Потому что я – Бог,
 Потому что – стою
 И толкаю под круг
 Всю Вселенную...

* * *

...и где-то в глуши деревенской
 косить по утрам со свистом,
 Махру курить с мужиками,
 на равных весь свет материть,
 Стелить свою ровную стёжку,
 а по вечерам росистым
 Надежный и верный очаг свой,
 огонь свой с любимой ярить.
 Лес выбрать. Срубить свою баньку.
 Попариться, размориться,
 И вместе с вечернею думой,
 с дымком от курящихся бань
 Куда-то ещё потянуться,
 совсем без следа раствориться,
 Как будто и не было вовсе...
 и где она, та глухомань?..
 Там в ясные, тихие ночи
 так бережно время прядётся,
 Все свито так ладно, так плотно,
 что смертушки не разобрать,
 И был ли ты, не был на свете,
 уж кто-нибудь да разберётся...
 И где та сторонка?..

С исподу
 Все стелется
 Ровная
 Прядь...

г. Москва

